

А. Д. Гронский

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ИМ. Е. М. ПРИМАКОВА РАН,
МОСКВА, РОССИЯ

Брестская церковная уния в отражении белорусской школьной учебной литературы, изданной в 2017–2021 годах

Аннотация. Статья посвящена исследованию содержания белорусской школьной учебной литературы, в которой содержится описание появления, функционирования и упразднения Брестской церковной унии. Время издания учебных пособий (2017–2021) ограничено этими датами, поскольку в момент написания статьи именно по учебникам, изданным в указанные годы, проходят обучение белорусские школьники. Преподавание истории в белорусской школе разделено на два концентрa. Первый концентр (5–9-й классы) представляет историю на более простом уровне, обращая больше внимания на факты, даты, описания событий. Второй концентр предлагает посмотреть на историю на более теоретическом уровне, обращая внимание на причинно-следственные связи и тенденции.

Для понимания того, каким образом Брестскую церковную унию школьные учебные пособия представляют учащимся,

необходимо проанализировать учебники обоих концентров и провести сравнение в подаче материала, а также обобщить полученные результаты.

Учебные пособия для 7-го (1 концентр) и 11-го (2 концентр) классов рассматривают введение Брестской церковной унии и её распространения до конца XVIII века. Оба учебных пособия схожи в оценках унии. Они признают, что уния навязывалась местному православному населению силой, и приводят в качестве подтверждения исторические документы. Но в обоих учебниках наблюдается попытка оправдать негативную реакцию населения в отношении унии тем, что униаты и польское правительство слишком активно применяли насилие. Оба учебных пособия предполагают, что, если бы уния вводилась более гуманными методами, массового сопротивления её принятию не возникло бы. Это противоречит историческим источникам, в которых можно найти примеры того, что сопротивление унии началось сразу, когда польская власть не успела ещё развернуть механизм принуждения. Утверждения, что уния стала барьером на пути полонизации и окатоличивания, не снабжены историческими документами, подтверждающими это. В обоих учебниках содержатся противоречия, когда авторы пытаются доказать эти утверждения. Также голословно в учебниках утверждается, что уния смогла сохранить языковые и культурные традиции народа.

В учебных пособиях для 8-го (1 концентр) и 11-го (2 концентр) классов описано развитие унии в конце XVIII — первой половине XIX века вплоть до Полоцкого церковного Собора 1839 года. Учебное пособие для 8-го класса идеологически продолжает нарратив учебного пособия для 7-го класса. Для того чтобы доказать, что масса униатов не желала возвращаться в православие в конце 1830-х годов, авторы используют документы более ранней эпохи, а также приводят исторические источники, описывающие частные случаи, пытаясь выдать их за общие тенденции. Документов, подтверждающих, что люди массово сопротивлялись решению Полоцкого церковного Собора, нет, поэтому в учебном пособии использованы либо документы другой эпохи, либо документы, фиксирующие частные случаи.

Учебное пособие для 11-го класса более корректно описывает Полоцкий церковный Собор, т. к. оно издано после того, как белорусские власти решили скорректировать школьный курс истории после массовых протестов 2020 года.

Ключевые слова: униатство (греко-католицизм), Брестский церковный собор, Полоцкий церковный Собор, белорусские школьные учебные пособия

Для цитирования: Гронский А. Д. Брестская церковная уния в отражении белорусской школьной учебной литературы, изданной в 2017–2021 годах // Ортодоксия. — 2024. — № 4. — С. 114–145. DOI:

В советское время конфессиональной истории уделялось не так много внимания, как другим направлениям исторического знания. Во многом это было связано с идеологическими установками. Однако в постсоветском историческом дискурсе конфессиональная история стала восстанавливать свои позиции. Стали появляться исследования по конфессиональной истории, как сугубо научные, так и научно-публицистические. Также в школьной учебной литературе конфессиональной истории стали уделять больше внимания, чем раньше.

Данный процесс не обошёл собой и Белоруссию, поскольку на той территории, которую она сейчас занимает, в прошлом развивались события конфессиональной истории, повлиявшие на судьбу не только малого региона, но и больших пространств. Одним из таких событий стала Брестская церковная уния. С точки зрения белорусской исторической науки, Брестская уния серьёзно привязана к истории Белоруссии. Ведь она появилась в Бресте — нынешнем белорусском административном центре, а прекратила свое существование в пределах Российской империи (за исключением Холмщины¹) в Полоцке — ныне белорусском районном центре.

Униатство, или греко-католицизм, достаточно серьёзно повлияло на националистические установки ряда организаций, в первую очередь украинских. Белорусский национализм был затронут униатством в более слабой степени, но и в нём опора на греко-католицизм существовала и существует поныне. Связь униатства с политикой, причём с её достаточно радикальными проявлениями в виде этнонационализма и более агрессивных идеологий, давала возможность опираться на униатство как на духовно-культурный ресурс, маркировавшийся этническим или национальным, т. е. «правильным», «настоящим» с точки зрения некоторых идеологий. А если некая религия или её разновидность становится ресурсом для этнонационализма, то националистам её можно определять как национальную религию. Такую религию заинтересованные силы

1 На Холмщине перевод униатов в православие состоялся в 1875 году.

начинают презентовать по-особому, обращая внимание на её роль в становлении «национального самосознания» и формировании националистических установок, выдаваемых за национальное возрождение. Причём роль конкретной религиозной доктрины в формировании того или иного национального сознания может быть как реальной, так и надуманной. В последнем случае формирование представлений и роли религии в становлении национального самосознания происходит потому, что признак религиозной инаковости может быть использован для конструирования отдельности от соседей по региону. Например, так поступали белорусские националисты, пытаясь показать, что в прошлом у белорусов, в отличие от великорусов, существовала своя национальная религия.

В частности, активный деятель белорусского национализма И. Ю. Лёсик в 1922 году писал, что после разделов Первой Речи Посполитой в конце XVIII века на землях, отошедших к Российской империи, «начались преследования против униатства, ставшего к тому времени национальным белорусским исповеданием» (Лёсик 2003: 24). И. Ю. Лёсика не смущало, что белорусская национальная идея стала формироваться только в конце XIX века, а без осознания себя как нации белорусы не могли рассматривать какое-либо исповедание как национальное. Уния же на белорусских землях исчезла в 1839 году, т. е. за несколько десятилетий до первых, крайне слабых проявлений белорусского национализма. В начале XXI века представление об униатстве как в первую очередь о политической силе продолжало существовать. В частности, О. Ю. Кравцов утверждал, что «новой вехой в истории белорусского народа должно стать возрождение униатской церкви, которая поможет консолидировать нацию» (Кравцов 2018: 96).

Существование униатства на белорусских землях с 1596 по 1839 год, естественно, должно было найти своё отражение на страницах школьной учебной литературы по отечественной истории. Униатство должно было как-то оцениваться авторами учебных пособий, чтобы школьники получали представление о том, насколько униатство повлияло на историю региона и населявших его людей, а также какой след оно оставило в культурной и политической жизни.

Школьное историческое образование в Белоруссии существует в двух концентрсах. Школьники сначала изучают первый концентр (с 5-го класса всемирную историю, а с 6-го класса к ней добавляется отечественная), а в двух последних классах начинается второй концентр. На этом этапе школьники вновь изучают историю с древности до современности, но уже

больше внимания обращается не на фактуру, а на суть событий, причинно-следственные связи и историческую логику.

Таким образом, история в белорусской школе изучается дважды. Введение унии, её распространение и развитие в Первой Речи Посполитой изучается в первом концентре в 7-м классе (Гісторыя Беларусі, 7 кл.; История Беларуси, 7 кл.), а во втором концентре — в 10-м классе (Гісторыя Беларусі, 10 кл.; История Беларуси, 10 кл.). Существование униатства в Российской империи и воссоединение униатов с православными рассматривается в первом концентре в учебнике за 8-й класс (Гісторыя Беларусі, 8 кл.; История Беларуси, 8 кл.), а во втором концентре — в 11-м классе (Гісторыя Беларусі, 11 кл.; История Беларуси, 11 кл.). В белорусских школах существуют учебники на русском и белорусском языках. Они полностью идентичны.

Логично будет рассмотреть учебники не по возрастанию классов, т. е. сначала 7-й класс (2017), потом 8-й (2018), за ним 10-й (2020) и, наконец, 11-й (2021), а по исторической хронологии, т. е. сначала учебники за 7-й и 10-й классы, а потом за 8-й и 11-й. Таким образом станет понятно, чем различается информация об одном и том же периоде существования униатства на страницах учебников разных концентров.

Брестская церковная уния была заключена в 1596 году. Хронологически данная дата попадает в белорусское школьное учебное пособие для 7-го класса, рассматривающее историю XVI–XVIII веков. В этом пособии униатской проблематике посвящён отдельный параграф (История Беларуси, 7 кл. 2017: 93–99). Авторы учебного пособия указывают, что великие князья литовские задумывались над введением унии с Римом на протяжении нескольких столетий, но только в 1570–1590-е годы данная проблема была серьёзно актуализирована (История Беларуси, 7 кл. 2017: 93–94). Т. е. проблема введения унии в Литовском княжестве, а значит, на старых западнорусских землях, имела политическую подоплёку, связанную со стремлениями литовских князей контролировать церковные институты внутри княжества. Однако учебное пособие, указывая на многовековое желание ввести унию, мотивы введения сокращает до одного — введение унии стало «одним из важнейших направлений Контрреформации на белорусских землях» (История Беларуси, 7 кл. 2017: 93). В другом месте авторы учебника снова приводят в качестве мотива введения унии только противодействие распространению протестантизма, которому католики и православные не

могли противостоять отдельно. Реформационное движение было опасно для тех и других, т. к. «именно оно отнимало верующих и у Католической, и у Православной церквей» (История Беларуси, 7 кл. 2017: 94). Именно о необходимости унии для борьбы с протестантизмом говорил один из её сторонников П. Скарга, что также отмечено в учебном пособии (История Беларуси, 7 кл. 2017: 94). Актуальность противодействия протестантизму появилась только в XVI веке, но учебное пособие не сообщает, почему литовские князья задумывались о введении унии за несколько столетий до появления протестантизма.

Интересно, что текстовое содержание учебника не совпадает с информационной нагрузкой схемы, размещённой тут же. Схема носит название «Цели Католической и Православной церквей при заключении унии». Для каждой из Церквей сформулировано по одной цели. Причём упоминания о необходимости противодействия протестантизму в схеме отсутствуют. Единственной целью католиков названа следующая: «Добиться победы над православием и распространить католицизм», а единственная цель православных — «Достигнуть равенства Православной и Католической церквей, получить места в сенате» (История Беларуси, 7 кл. 2017: 94). Таким образом, текст учебника и схема, расположенная в учебнике прямо на той же странице, где содержится текст о целях введения унии, игнорируют содержание друг друга. В тексте не упомянуты цель Католической Церкви добиться победы над православием и цель Православной Церкви — достигнуть равенства с католиками. В схеме же и у католиков, и у православных отсутствует цель противостояния с протестантизмом (История Беларуси, 7 кл. 2017: 94).

Подготовка Брестской церковной унии представлена в учебном пособии как хронологическое описание череды событий, итогом которых стал запрет Православной Церкви: «В конце 1594 г. православные епископы Ипатий Потей и Кирилл Терлецкий тайно составили декларацию об унии. Их проект поддержал король Сигизмунд III и почти всё руководство Православной церкви. В 1595 г. Папа Римский торжественно объявил о заключении унии. Для её утверждения в Речи Посполитой в октябре 1596 г. создали Берестейский церковный собор. Несмотря на споры и неразрешённые противоречия, акт унии был подписан. Православная церковь в Речи Посполитой официально прекратила существование. Её имущество и приходы переходили к униатской церкви» (История Беларуси, 7 кл. 2017: 94–95).

При описании подготовки введения Брестской церковной унии авторы учебника умолчали о ряде событий, которые могли создать у учащихся более критическое отношение к унии. В частности, проигнорировано упоминание того, что изначально православные епископы Первой Речи Посполитой предлагали собственные условия, на которых должна была бы быть заключена уния, но римским папой эти условия были проигнорированы, а информация о таком повороте событий была скрыта от православных иерархов, узнавших о коррекции уже по факту оглашения акта унии. Не упоминается в учебном пособии и о том, что помимо церковного собора, на котором была принята уния, в Бресте прошёл ещё один собор, который был организован противниками унии. Все эти проблемные события авторы учебного пособия обозначили как «споры и неразрешённые противоречия», не уточняя, что имелось в виду под этой формулировкой.

Несмотря на широкое сопротивление введению унии, в учебнике в качестве защитников православия упомянуты только православные церковные братства, которые появились в 1580-х годах (История Беларуси, 7 кл. 2017: 96). Практика создания братств для защиты православного наслоя от униатского давления существовала и позже (История Беларуси, 7 кл. 2017: 97).

Авторы учебного пособия считают, что введение унии не должно было встретить сопротивления населения, однако «мирному развитию событий помешали насильственные методы, которые стали использовать униатские епископы. Православных прихожан и священников начали принуждать принимать унию. Особенно жестокие методы распространения униатства применял полоцкий архиепископ Иосафат Кунцевич» (История Беларуси, 7 кл. 2017: 97). Таким образом, в учебном пособии предполагается, что только насильственные методы навязывания унии породили ответную реакцию населения, и если бы этих насильственных методов не было, то уния была бы принята в основном спокойно.

Однако стоит заметить, что противодействие введению унии появилось сразу же, когда новая униатская верхушка ещё не успела ввести в широкую практику насильственные меры перевода православных в унию². Поэтому стоит предположить, что стремление представить введение и распространение униатства в качестве потенциально мирного

² Достаточно много документов, раскрывающих отношение населения к введению унии, содержится в сборнике: (Уния в документах 1997).

процесса — это попытка сконструировать желаемое состояние прошлого. Эта попытка зафиксирована не только в школьном учебном пособии. В пятитомной «Истории белорусской государственности», написанной авторами Института истории Национальной академии наук Белоруссии, также сказано, что «сам ход униатского и православного соборов в октябре 1569 г. в Бресте, поддержка униатов властями и стремление ввести унию принуждением, с помощью репрессий вызвали отрицательный эффект» (История белорусской государственности 2018: 423). Т. е. неприятие унии вызвал конфликт во время её введения, поддержка одной из сторон властями, которые, стремясь заставить православных перейти в унию, попросту запретили Православную Церковь, и насилие при её распространении — именно то, что вызвало возмущение населения. Ни учебное пособие, ни «История белорусской государственности» не указывает на то, что сопротивление введению и распространению унии вызвало стремление людей сохранить свою православную идентичность. Резкое нежелание принять унию объясняется перегибами, а не стремлением сохранить традиционное конфессиональное мировоззрение. Таким образом, школьников подводят к мысли, что собственно уния была не плоха, плохим был способ её распространения.

Учебное пособие для 7-го класса, наверное, более чем какое-либо другое из линейки белорусских учебников, выпущенных в 2014–2021 годах, грешит логическими несоответствиями. В частности, истории введения унии посвящена следующая фраза: «Насильственные методы руководителей униатской церкви вызвали возмущение православных верующих, особенно в городах. К недовольным присоединилась часть православных священников, мещан и шляхты, которые не приняли церковного союза» (История Беларуси, 7 кл. 2017: 97). По смыслу получается, что к недовольным введением унии православным верующим присоединились православные же священники, мещане и шляхта. Но, если они были православными, значит, все три перечисленных сословия попадают в категорию «православные верующие». В итоге получается, что к православным верующим присоединились православные верующие, т. е. недовольные введением унии присоединялись сами к себе.

Авторы учебного пособия описывают способы сопротивления православных униатскому давлению. Один из способов заключался в избрании новых православных епископов вместо тех, кто перешёл в унию. Новые епископы призывали православных верующих «не пускать униатов в города, храмы, препятствовать проведению ими богослужений» (История

Беларуси, 7 кл. 2017: 97). Одним из таких избранных епископов был Мелетий (Смотрицкий) — активный защитник православия, к концу жизни перешедший в унию. Причины его перехода объясняются просто: «В конце жизни он разочаровался в православии и принял униатство» (История Беларуси, 7 кл. 2017: 98).

Естественно, учебное пособие не могло не отметить, что агрессивное навязывание унии вызывало неприятие даже у её сторонников. Так, литовский канцлер Л. Сапега писал униатскому архиепископу Иосафату Кунцевичу³, что тот своим «безрассудным насилием» спровоцировал православных «к отпору и отвержению данной его королевской милостью присяги» (История Беларуси, 7 кл. 2017: 98). Ответной реакцией на насилие со стороны униатских иерархов были выступления православно-го населения начала 1620-х годов, иногда заканчивающиеся жертвами. В частности, в 1623 году в Витебске «толпа мещан разграбила дворец И. Кунцевича и униатские церкви. Самого архиепископа убили, а его тело бросили в Западную Двину» (История Беларуси, 7 кл. 2017: 98). Доведённые до крайности насилием со стороны униатского архиепископа горожане были наказаны. По приказу польского короля руководителей восстания казнили, остальных объявили преступниками, Витебску, как городу, в котором произошло убийство, назначили большой штраф, было отменено магдебургское право⁴ и разрушена ратуша — символ местного самоуправления. Со всех православных храмов города были сняты колокола (История Беларуси, 7 кл. 2017: 98).

Для укрепления позиций униатства был организован монашеский орден базилиан. Орден не только занимался подготовкой священников, но и открывал учебные заведения, чтобы формировать кадры, способные противостоять православному образованию, сосредоточенному в школах православных братств (История Беларуси, 7 кл. 2017: 98). Авторы учебно-го пособия делают вполне корректное замечание о том, что «положение православных в стране постоянно ухудшалось. Они имели всё меньшее политическое влияние в государстве» (История Беларуси, 7 кл. 2017: 99).

Содержащийся в учебном пособии вывод указывает, что уния не стала спасением от конфессионального противостояния, развернувшегося в Первой Речи Посполитой, но авторы пособия стремятся найти

³ Подробнее о переписке Л. Сапег и Иосафата Кунцевича см. (Хотеев 2015).

⁴ Магдебургское право — одна из систем городского права, сложившаяся в Магдебурге и позже распространившаяся по Европе. На основе этого права города получали экономическую, юридическую, общественно-политическую независимость от феодалов.

в распространении униатства положительные моменты, утверждая, что уния помогла в дальнейшем сохранить язык и культуру народа: «Таким образом, подписание Берестейской церковной унии не решило всех поставленных задач. В стране не установился религиозный мир. Вместо объединения двух конфессий на землях Речи Посполитой появилась ещё одна. Униатские епископы не получили мест в сенате. Религиозное противостояние в первой половине XVII в. только усилилось. Но в дальнейшем униатская церковь в определённой степени способствовала сохранению языковых и культурных традиций белорусского народа» (История Беларуси, 7 кл. 2017: 99). Естественно, никаких примеров сохранения языка и культуры не приведено, т. к. в реальности униатство не способствовало сохранению ни того, ни другого. В свою очередь православный автор, анализируя наблюдаемые в унии явления, констатирует, что они не сохраняют культуру, а «свидетельствуют о постепенной утрате униатами своего византийского и древнерусского наследия. В то же время западное влияние постепенно набирает силу и превращает унию в подобие чистого латинства» (Хотеев 2023: 75–76). В отношении сохранения языковых традиций тот же автор замечает, что «пренебрежение к книжной славянской традиции лучше всего свидетельствует о презрении в унии и к местному (белорусскому) языку» (Хотеев 2023: 67).

Учебное пособие по истории Белоруссии для 10-го класса относится ко второму концентру, поэтому в книге содержится история с древности до конца XVIII века. В этом учебном пособии отразился и материал по введению Брестской церковной унии. При перечислении причин принятия унии десятиклассникам предлагается ещё одна. А именно: «Стремление к консолидации церковных и светских феодалов ВКЛ (Великого княжества Литовского. — А. Г.) и Польши после Люблинской унии, согласно которой оба государства объединялись в Речь Посполитую. В то же время между католическими и православными феодалами ВКЛ наметилась определённая консолидация в противодействии политическим и религиозным претензиям со стороны Московского государства» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 197–198]. Причём именно эта причина, не упоминаемая в учебном пособии для 7-го класса, названа основной. Ещё одной причиной для введения унии учебное пособие называет нежелание западнорусских православных иерархов подчиняться московскому патриарху, «который намеревался распространить свою власть на все земли бывшей Киевской Руси. Кроме того, они рассчитывали сохранить свои владения и достичь равенства в правах с католической церковью»

(История Беларуси, 10 кл. 2020: 198). О последней причине (сохранить владения и достичь равенства с католиками) упоминалось и в учебном пособии для 7-го класса. А две остальные причины остались неизвестны для семиклассников. То есть учебное пособие для 10-го класса объясняет стремление к унии в первую очередь русским фактором — противодействием «политическим и религиозным претензиям со стороны Московского государства».

Также в учебном пособии указано, чем была уния для католиков и православных. Для первых уния являлась средством подчинения православных, распространения своего влияния далее на восток, т. е. на территорию Московского государства, также уния увеличивала возможности для борьбы с протестантскими направлениями. Для вторых уния виделась возможностью борьбы с распространением протестантизма и решением вопроса, способного остановить ослабление влияния Православной Церкви в Первой Речи Посполитой (История Беларуси, 10 кл. 2020: 198). Интересно, что преодолеть ослабление Православной Церкви, находящейся под властью Константинопольского патриарха, на западнорусских землях православные иерархи решили с помощью римского папы, а не того же Московского Патриархата, появившегося в 1589 году и существовавшего на восточной части бывшей Древней Руси.

Подготовка к принятию унии описана в учебном пособии как предложение римскому папе тех условий подписания, которые были сформулированы православными епископами Первой Речи Посполитой. А «в конце 1595 — 1596 г. Ипатий Потей и Кирилл Терлецкий находились в Риме, где условия унии были утверждены римским папой Климентом VIII» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 198). Такая подача материала создаёт впечатление, что уния была подписана на условиях православных епископов, хотя на самом деле Рим изменил условия, навязав собственное видение будущей унии.

В ряде случаев Брестская церковная уния называется в белорусском публицистическом и даже научном дискурсе религией, чаще конфессией. Однако по сути конфессией, а тем более религией она не является. Авторы учебного пособия нашли выход из этой ситуации, назвав унию религиозным направлением (История Беларуси, 10 кл. 2020: 198).

Появление нового «религиозного направления» не было принято частью православного населения. После заключения унии произошло несколько городских восстаний, также последовал «отказ признавать унию со стороны некоторых священников» (История Беларуси, 10 кл.

2020: 198). Тем не менее «большая часть верующих перешла в униатство, меньшая (горожане) осталась в православии» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 198). Авторы учебного пособия делают заключение, что такое неподчинение решениям Брестского униатского собора «привело к расколу православной церкви Речи Посполитой» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 198). Таким образом, по логике авторов учебного пособия раскол православия произошёл не потому, что ряд православных иерархов захотел подчиниться римскому папе, а потому, что это не поддержали другие православные. То есть попытка сохранить православие привела к его расколу. Однако подобная постановка вопроса не слишком корректна, т. к. с введением унии православие на территории Первой Речи Посполитой было запрещено. Принявшие унию откололись от православия и перешли в греко-католицизм. Более корректно, наверное, следует говорить не о расколе, а о переходе части православных в унию и изменении положения оставшихся верными православию верующих, которые вдруг стали сторонниками нелегальной церкви.

В учебном пособии для 10-го класса присутствует схема «Условия объединения церквей», в которой перечислены:

- «– Верховенство папы римского
- Сохранение прежних церковных обрядов
- Сохранение всех церковных праздников согласно православному календарю
- Равенство униатских и католических священников
- На церковные должности назначаются только “русские” люди (в отличие от учебного пособия для 7-го класса, “русские” написано с двумя “с”. — А. Г.)
- Запрет переманивать в католичество униатов
- Монастыри и церкви не превращаются в костёлы
- Униатским священникам разрешается иметь семьи
- Униаты принимают некоторые догматы католической церкви (символ веры и др.)
- Запрет православной церкви в Великом Княжестве Литовском» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 199).

Стоит помнить, что похожая схема присутствует и в учебном пособии для 7-го класса, но в ней отражены не все, а лишь основные условия объединения:

- «– Главенство Папы Римского в делах веры

- Принятие униатами основ католического вероучения и нового календаря
- Сохранение униатами православных церковных обрядов, праздников, языка
- Назначение на церковные должности только “русских” людей (в учебном пособии написано именно так — “русских” с одной “с”. — А. Г.)
- Запрет переводить униатов в католичество
- Получение униатскими епископами мест в сенате» (История Беларуси, 7 кл. 2017: 95).

Логично, что основные условия должны быть частью общих условий, т. е. позиции, отражённые в схеме учебника для 7-го класса, должны быть полностью включены в перечень позиций, указанных в учебнике для 10-го класса. Тем не менее среди основных условий указано «получение униатскими епископами мест в сенате», чего не перечислено в общих условиях. Также стоит обратить внимание на два утверждения: «Принятие униатами основ католического вероучения и нового календаря» (История Беларуси, 7 кл. 2017: 95] и «униаты принимают некоторые догматы католической церкви (символ веры и др.)» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 199). Насколько синонимичными могут быть словосочетания «основы католического вероучения» и «некоторые догматы католической церкви»?

В учебном пособии для 10-го класса присутствует ряд взаимоисключающих утверждений. В частности, учебник пишет, что «большая часть верующих перешла в униатство» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 198), это же утверждение повторяется в пособии ещё раз, но с оговоркой, что горожане остались православными (История Беларуси, 10 кл. 2020: 199). Однако на предыдущей странице пособия авторы пишут, что против введения унии выступила «значительная часть православной знати, духовенства и горожан» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 198). На следующей странице снова перечислены категории населения, сопротивляющиеся распространению унии: крестьяне, мещане, члены православных братств, многие православные шляхтичи и протестанты (История Беларуси, 10 кл. 2020: 199). В данном перечне интересно упоминание протестантов, которых Брестская церковная уния не касалась. Если же сравнивать два списка, расположенных на соседних страницах учебного пособия и перечисляющих категории сопротивляющихся унии, то они различаются. В них совпадают только два сословия — православная знать, или православные шляхтичи, и горожане, или мещане. В первом перечне нет

крестьян и членов православных братств, во втором не упомянуто духовенство. В результате остаётся непонятным, какие социальные группы выступили против распространения унии.

В пособии упомянуто, что уния навязывалась жёсткими методами (История Беларуси, 10 кл. 2020: 199), что в итоге не смогло консолидировать общество, а появившиеся религиозные противоречия «приобрели опасный для государства характер» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 200).

На страницах учебного пособия присутствует иллюстрация с картины Йозефа Зимлера «Мученическая смерть Иосафата Кунцевича». Ученикам предлагается ответить на вопрос, как художник относился к личности униатского архиепископа (История Беларуси, 10 кл. 2020: 199). Однако название картины однозначно говорит об отношении художника к личности Иосафата Кунцевича.

Подводя итог рассказу о введении и распространении церковной унии, авторы учебного пособия заключают: «Таким образом, к концу XVII в. население Беларуси почти полностью стало придерживаться униатства» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 201). На предыдущей странице в схеме «Итоги Берестейской унии» также сказано: «к 1795 г. большинство населения Беларуси исповедовало униатство» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 200). Однако в тексте на той же странице авторы пособия дают «конфессиональный рисунок» верующих на белорусской территории в конце XVIII века. Греко-католики, т. е. униаты, составляли 39 % населения белорусских земель, римо-католики, названные просто католиками, — 38 %, иудеи — 10 %, православные — 6 %, старообрядцы — 4 %, протестанты — 1 % и мусульмане — 0,8 % (История Беларуси, 10 кл. 2020: 200). Данное процентное соотношение не иллюстрирует утверждения, что население Белоруссии «почти полностью стало придерживаться униатства». Ведь определение «почти полностью» указывает на то, что количество униатов должно стремиться к 100 %. Вряд ли греко-католическую принадлежность 39 % населения Белоруссии можно определить как то, что жители региона почти полностью стали придерживаться униатства.

На этой же странице сказано, что униатство на белорусских землях охватывало до 80 % крестьян, мещан, мелкой и средней шляхты (История Беларуси, 10 кл. 2020: 200). В этом случае утверждение о том, что именно западнорусские местные уроженцы почти полностью стали придерживаться унии, выглядит более корректно. Но подавляющее большинство крестьян, мещан и шляхты, будучи униатами, составляли лишь

39 % от всех исповедующих различные религии, конфессии и религиозные направления, что всё же не даёт говорить о большинстве населения Белоруссии, исповедовавшем униатство. Это было всего лишь относительным большинством.

Крайне показательным выявляется представленное в схеме утверждение авторов учебного пособия того, что итогами унии стали «барьер католичеству и полонизации населения в городах и сёлах» и «сохранение культурных и языковых традиций населения» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 200). На той же странице учебного пособия иллюстрируется, каким образом униатство формировало барьер полонизации. Православная Церковь использовала в литургии церковнославянский язык, униатские же священники «в литургической храмовой службе [...] пользовались польским, церковнославянским, белорусским и даже латинским языками» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 200). То есть, по мнению авторов учебного пособия, введение в литургию польского языка должно было каким-то образом поставить барьер полонизации. Что же касается барьера католичеству, то данное утверждение выглядит странно, т. к. униатство — это греко-католицизм, т. е. униатство должно было ставить барьеры самому себе. Если же принять утверждение, что под католицизмом авторы учебного пособия имели в виду именно римо-католицизм, то и в этом случае утверждение о том, что греко-католицизм являлся барьером римо-католицизму, не соответствует действительности, так как после униатского Замойского собора 1720 года уния стала латинизироваться, т. е. приобретать черты римо-католицизма⁵. Подобное развитие событий никоим образом нельзя назвать формированием барьера против католицизма. Интересно, что в академической «Истории белорусской государственности» допущена та же ошибка. В первом томе упоминается, что «униатство во многом при помощи церковной агитации православных священников начало восприниматься как вероисповедание иностранного государства, скрытая форма католицизма» (История белорусской государственности 2018: 423). Как и в школьном пособии, в «Истории белорусской государственности» униатство (греко-католицизм) противопоставляется католицизму, частью которого он является.

Сохранение униатством «культурных и языковых традиций населения» также стоит поставить под вопрос. До введения унии местное население было православным и использовало в быту древнерусский язык.

⁵ Подробнее об этом см.: (Шеститко 2009).

Униатство же имело определённые черты: «значительная степень приближения унии к чистому католицизму в литургической и канонической областях (в вероучении униаты ничем не отличались от католиков), что получило название латинизации» и «полонизация духовенства и многих сторон духовной жизни простого народа. Униатское делопроизводство после 1697 г. велось на польском. Ко второй половине XVIII века греко-католическое духовенство и в домашнем обиходе, и в общении с прихожанами использовало польский язык». Даже после Полоцкого воссоединительного собора 1839 года «большой проблемой было переучить бывших униатских священников произносить проповеди и учить верующих на народном, т. е. белорусском языке» (Романчук 2015: 65–66).

Униатской проблематике посвящены два помещённых в учебнике исторических источника. Первый — это выдержка из донесения папского нунция в Польше Торреса, который описывает положение после принятия унии: «Народ, большей частью простые люди [...] не прельстился их (возможностью занимать должности. — А. Г.) притягательной силой, чтобы путём отречения от веры заслужить королевскую милость. [...] Не поддаётся описанию, насколько русский народ ненавидит римских католиков [...]. Этим объясняется то, что мало русинов переходит в унию и что препятствий в обращении их больше, чем в обращении лютеран и кальвинистов» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 204).

Второй документ — отрывок из письма Л. Сапеги Иосафату Кунцевичу: «[...] я был творцом этой унии, и отступать неприлично, но никогда и на ум мне не приходило, что Ваша милость будет обращать в унию людей насильственными действиями [...].

Совсем по-другому складывается дело с Вашей милостью: полны zemства, полны замковые суды, полны трибуналы, полны ратуши, полны канцелярии доносов, жалоб, нареканий, в которых сказано, что утверждается не уния, а утверждаются ссоры, разывается и уничтожается любовь, которая связывает человеческое сообщество. На сеймиках и в каждом углу хватает сумятицы и взаимных ссор...

...Евреям, татарам не запрещено в государствах его Величества короля справлять свою религию, в то время как христианам запрещено это делать, отсюда и рождаются слова, что лучше отдаться под власть язычников-турок, чем терпеть такое насилие над своей совестью...

...Что же касается полочан и других бунтующих против Вашей милости, то скажу: возможно, они и бунтовщики. Но Ваша милость сама дала им повод для бунта и сделала их бунтовщиками. Ведь они были послушны

Вашей милости, ходили в церковь Вашей милости. Почему же тогда Ваша милость их отбросила от себя?.. Вот почему мы не хотим, чтобы эта бесполезная уния принесла и творила вред обществу и государству...» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 207).

Т. е. приведённые документы совершенно однозначно указывают на отношение населения к введению униатства. Никаких документов о том, что униатство способствовало сохранению культурно-языковых традиций, не приведено. Это вполне логично, т. к. постепенная латинизация унии и введение в обиход польского языка способствовало постепенному приближению греко-католиков к римо-католикам, т. е. к изменению идентичности местного населения путём полонизации и латинизации. Тем не менее в обоих учебниках авторы пытаются ретранслировать, пусть и неявно, политический миф о том, что уния являлась национальной религией белорусов, ставя ей в заслугу якобы сохранение культурно-языковых традиций.

В учебнике для 8-го класса содержится информация о положении униатства в Российской империи и его воссоединении с православием. При описании подготовки Полоцкого церковного Собора школьники сталкиваются с двумя цитатами, которые, по мнению авторов учебника, должны иллюстрировать неприятие усилий будущего православного митрополита Иосифа (Семашко) по возвращению униатов в православие простыми униатами-белорусами.

Первая цитата описывает ситуацию в Могилёвской губернии: «Один из царских чиновников оставил нам свои воспоминания, в которых описал диалог могилевского губернатора и крестьянина из Быховского уезда, где униаты отказались принять православие:

Губернатор: Для чего вы не послушались⁶ директора экономии? Ведь вера все одна, та же христианская. Он вас не евреями хотел сделать.

Мужик: Добра, ваша, кажаш, што вера ўсё адна, тая ж хрысціянская. А ці, ваша, пахваліў бы за тое, каб я ўзяў адзін крыж у рукі, а другі б кінуў пад ногі?⁷

Губернатор: Да для чего же вам не быть со мною одной веры?

⁶ В оригинале «не послушали» (Добрынин 1872: 302).

⁷ В оригинале передан говор крестьянина, а в учебном пособии текст переведён на белорусский язык. Оригинал звучит следующим образом: «Добре ваше кажаш, што вера все одна, та же христианская. А-ти, ваше, похвалив бы тое, кап я взяв один крест в руки, а другий бы кинув под ноги?» (Добрынин 1872: 302). По причине перевода в цитате учебника слово «крест» заменено белорусским «крыж».

Мужик: Ты, сам здороў, ведаеш, чалавек ужо не малады! — указывая на губернаторские седины. — Каб табе загадалі прыняць нашу веру, а ці захацеў бы ты быць уніятам?»⁸ (Панов 2020: 27).

Упомянутый диалог между неизвестным крестьянином-униатом из-под Быхова и могилёвским губернатором Г. И. Черемисиновым произошёл в 1793 году. Упоминание о нём содержится в записках Г. И. Добрынина. При этом авторы школьного учебного пособия, приводя диалог крестьянина и губернатора, попросту вырывают его из контекста, что создаёт впечатление о наличии со стороны российской власти политики по принудительному переводу униатов в православие и широком сопротивлении местных униатов этой политике.

В записках Г. И. Добрынина этот диалог представлен как элемент широкого процесса, порождённого политикой в отношении униатов. Автор объясняет, почему возник повод для такого диалога. После второго раздела Польши на вновь присоединённых к России землях бывшей средневековой Западной Руси оказалось большое число униатов. Часть из них выразили желание перейти в православие. Вследствие чего возникло именно повеление императрицы Екатерины Великой «чтобы и в наших белорусских губерниях присоединять желающих униатов к грекороссийской церкви, а буде бы кто из помещиков оказался препятствовавшим, того имение брать в секвестр» (Добрынин 1872: 296). Г. И. Добрынин подчёркивает, что в императорском повелении было требование спросить, не желают ли униаты перейти в православие, и если находились желающие, то таких было «запрещено удерживать от их желаний» (Добрынин 1872: 298). Но в повелении не было никаких указаний на насильственное присоединение. Одновременно правящим православным архиереям было разослано отношение Священного Синода «чтобы они общими силами и согласием нарядили в разные уезды разных чиновников [...] для присоединения униатов к церкви грекороссийской» (Добрынин 1872: 297). Г. И. Добрынин был командирован в Сенненский уезд, где располагались 33 униатские церкви. В каждой церкви униатам зачитывались документы о возможности перехода в православие и спрашивалось «о свободном расположении их к перемене веры, или, лучше сказать, одного только

⁸ В оригинале снова передан говор крестьянина, который не совпадает с белорусским языком. В оригинале: «Ты, сам здоров, знаешь, уже человек не молодой! — указывая на губернаторские седины. — Кап тебе приказывали принять нашу веру, а-ти захотел бы ты быть униатом?» В учебнике вместо используемых в оригинале слов «знаешь» и «приказывали» используются белорусские «ведаеш» и «загадалі» (Добрынин 1872: 302).

переименования веры» (Добрынин 1872: 298). Т. е. чиновники должны были не насильно переводить униатов в православие, а интересоваться, не желают ли они сами это сделать. Миссия Г. И. Добрынина закончилась безрезультатно: «Не обрели ни единой души, желающей отстать от униатской и пристать к грекороссийской церкви» (Добрынин 1872: 298). Однако ряд чиновников, посланных для «увещевания» униатов, отнёсся к своей деятельности как к той, которая обязательно должна принести положительный результат. В итоге униаты принуждались к переходу в православие насильно, в ответ в губернскую администрацию, столицу и синод шли жалобы по поводу принуждения от униатских священников, самих униатов и иногда помещиков. Требования обязательного присоединения униатов исходили не из имперского центра, а от местных губернских властей, решивших таким образом выслужиться перед имперским центром. Чиновники вынуждены были подчиняться этим требованиям местной администрации и, если крестьяне-униаты не желали переходить в православие, заставляли их силой (Добрынин 1872: 300).

Ещё одна цитата описывает ситуацию в Витебской губернии. Школьный учебник указывает, что «витебский губернатор вспоминал о порядке перевода униатских верующих в православие следующим образом: "...к архиерею [высший чин в православном духовенстве] обыкновенно явится неожиданно человек из какого-либо значительного селения с просьбой о желании всех будто бы обывателей оного обратиться к православной церкви... начальство таковую просьбу всегда принимает... требует без малейшего промедления допустить православного священника в приходскую униатскую церковь и указывает полиции принять немедленно под покровительство всех обращающихся... Православный священник... приезжает в поселение... униатский священник скрывается... Двор уже наполнен крестьянами, большей частью не имеющими не только желания к присоединению, но даже и понятия, чего от них требуют. Конечно, при этом не может быть совершенного спокойствия, иногда встречается и сопротивление..."» (Панов 2018: 28).

Данная цитата извлечена из воспоминаний И. С. Жиркевича, который в 1836–1838 годах был витебским губернатором. В воспоминаниях эта цитата принадлежит не самому губернатору, а предводителю дворянства Витебской губернии коллежскому асессору И. И. Шадурскому (Жиркевич 2009: 432–434), который вводил нового губернатора в курс дела. Она описывает не усилия будущего православного митрополита Иосифа (Семашко), а ситуацию, сложившуюся в православной Полоцкой

епархии, которая в 1833–1837 годах управлялась сначала епископом, а с 1836 года архиепископом Смарагдом (Крыжановским). Полоцкий архиерей сразу же начал активную миссионерскую деятельность в отношении униатов, поддержанную обер-прокурором Священного Синода С. Д. Нечаевым, который почему-то не был поставлен в известность о планах Иосифа (Семашко). Частные присоединения униатов, практикуемые архиепископом Смарагдом, по мнению Иосифа (Семашко), «могли затронуть лишь малую часть униатов, прежде всего крестьян, принадлежавших русским православным помещикам, которых было очень немного, а остальных, т. е. значительно большую часть, невозвратно оттолкнуть в латинство» (Романчук 2015: 127). Т. е. Иосиф (Семашко) был против тех методов, которые представлены в учебнике как политика, проводимая самим Иосифом (Семашко).

Необходимо отметить, что И. С. Жиркевич достаточно критически отнёсся к активности архиепископа Смарагда и к нему самому. Так, губернатор писал: «В Витебске я составил себе идею, что он должен быть религиозный фанатик, но тут открыл, что и предписанным церковным правилам он подчинялся лишь наружно; два или три случая меня тотчас с ним ознакомили» (Жиркевич 2009: 448). Сам И. С. Жиркевич «дело восприсоединения униатов» признавал «совершенно соответствующим политике и нравственности», но «твёрдо отвергал» «тот ход и те меры, которым следует Смарагд» (Жиркевич 2009: 503). Против методов архиепископа Смарагда возражал и сам император Николай I. При назначении в 1836 году П. Н. Дьякова Смоленским, Витебским и Могилёвским генерал-губернатором, император отметил, «что важнейшие беспорядки Витебской губернии относятся прямо к обращению униатов [...], а Смарагд действует как невежда», но архиепископа пока не сменяют, чтобы «не остановить присоединения, которое необходимо, решительно должно совершиться, ибо этого требуют политика и спокойствие государства». Также Николай I обещал: «Ежели мы увидим, что иначе со Смарагдом нельзя управиться, я и его переведу от тебя» (Жиркевич 2009: 535).

Таким образом, обе представленные в учебнике цитаты не имеют отношения к деятельности Иосифа (Семашко). Первая цитата указывает на 1793 год, т. е. на время до рождения будущего митрополита-воссоединителя (он родился 25 декабря 1798 года, по новому стилю — 5 января 1799 года). Использовать эту цитату для описания ситуации накануне воссоединения — это примерно то же самое, что использовать описание церковно-государственных отношений в период

перестройки, привлекая цитаты, относящиеся к годам хрущёвских гонений на церковь. Вторая цитата характеризует деятельность православного архиепископа Смарагда (Крыжановского). Она соответствует эпохе подготовки воссоединения хронологически, но раскрывает деятельность архиерея, который был критически настроен к тогда униатскому епископу Иосифу (Семашко). Воспоминания как Г. И. Добрынина, так и С. И. Жиркевича показывают, что российская имперская власть положительно относилась к переходу униатов в православие, но у неё не было стремления производить подобный переход с использованием силовых методов. Таким образом, авторы учебника, стремясь показать неприятие массой населения действий Иосифа (Семашко), направленных на переход из унии в православие, приводят цитаты, не соответствующие хронологии (как в случае с цитатой из воспоминаний Г. И. Добрынина) и действующим лицам (когда, цитируя воспоминания И.С. Жиркевича, действия православного архиепископа Смарагда выдаются за действия Иосифа (Семашко)). Видимо, цитаты, которые описывали бы массовое сопротивление действиям Иосифа (Семашко), найти сложно, а стремление создать позитивный образ унии как чего-то белорусского подталкивает авторов учебника к использованию именно высказываний критической оценки в отношении подготовки к воссоединению униатов с православными.

Описывая причины воссоединения униатов с православными, авторы учебного пособия традиционно видят это через призму деятельности российских центральных властей: «Важнейшим условием политической стабильности в западных губерниях российское правительство считало единение государственной власти и православного населения с целью изоляции повстанцев-католиков. Власти также склонили на свою сторону представителей высшего униатского духовенства, которые были противниками дальнейшего сближения с костелом. В 1830-е годы начались мероприятия по присоединению униатских верующих к Русской православной церкви» (Панов 2018: 27–28).

Связывая подготовку воссоединения униатов со стремлением изолировать поляков-католиков, авторы учебного пособия игнорируют то, что воссоединение униатов начало готовиться ещё до польского восстания 1830–1831 годов. Но, если события происходят практически одновременно и частично в одном и том же месте, это не означает, что одно событие вытекает из другого. Оба события могут иметь собственную логику и даже не быть связанными между собой. В учебном пособии

ситуация представлена так, как будто бы польское восстание стимулировало центральную власть начать воссоединение униатов. На самом деле польское восстание на время остановило подготовку воссоединения, т. к. имперская власть, без согласия которой воссоединения бы не произошло, в тот момент бросила много сил на подавление повстанческой активности. Остальные проблемы, в том числе и воссоединение униатов, на некоторое время оказались на периферии интересов центральной власти в регионе.

Также в учебном пособии транслируется утверждение, что инициаторами воссоединения выступали именно центральные власти: «Власти также склонили на свою сторону представителей высшего униатского духовенства, которые были противниками дальнейшего сближения с костёлом» (Панов 2018: 27–28). Белорусские историки, готовившие учебное пособие, проигнорировали то, что стремление к воссоединению изначально сформировалось именно в среде униатской иерархии. Российские власти сначала отнеслись к стремлению воссоединения настороженно, хотя и приветствовали такое развитие событий. Т. е. для имперских властей воссоединение униатов было бы желаемым и одобряемым событием, но те же власти не являлись инициаторами этого и не отличались активностью на данном направлении деятельности.

В 2021 году вышло учебное пособие по белорусской истории для 11-го класса, в котором, как в пособии второго концентра, также упоминалось воссоединение униатов с православием. В параграфе «Эволюция конфессиональных отношений в XIX — начале XX в.» (История Беларуси 2021: 164–168) был выделен вопрос, получивший название «Упразднение униатской церкви и его результаты» (История Беларуси 2021: 165–167). Из шести абзацев данного вопроса лишь два были посвящены унии и её упразднению: «После включения белорусских земель в состав Российской империи был взят курс на постепенное возвращение униатов в православие. В конце 1820-х годов униатский митрополит Иосиф Семашко обратился к императору Николаю I с предложением объединить униатскую церковь с православной с целью освобождения от “польского влияния”. Участие некоторых представителей униатского духовенства в восстании 1830–1831 годов привело к окончательному решению вопроса о ликвидации греко-католической церкви.

В 1839 году на Полоцком Соборе был подписан акт о присоединении греко-католической церкви к православной. В результате православная церковь получила свыше 1600 приходов и более 1 млн 600 тыс. новых

прихожан. В целом объединение прошло спокойно, без особого сопротивления верующих» (История Беларуси 2021: 165).

Т. е. в вопросе, называемом «Упразднение униатской церкви и его результаты», этой проблеме была посвящена лишь треть материала. Остальная информация раскрывала положение римо-католической церкви во второй половине XIX века.

Необходимо отметить, что в описании воссоединения униатов содержится фактологическая ошибка. Иосиф (Семашко) назван униатским митрополитом, что неверно, т. к. митрополичий сан он получил только в 1852 году, будучи уже православным иерархом. На момент подготовки Полоцкого церковного Собора Иосиф (Семашко) был униатским епископом.

Но в целом суть информации о Полоцком церковном Соборе, представленной в учебном пособии для 11-го класса, резко отличается от того наполнения, которое содержится в учебном пособии для 8-го класса. Авторы учебного пособия указали, что инициатива воссоединения исходила не от Николая I, а от униатского епископа Иосифа (Семашко), подчёркнуто, что воссоединение прошло спокойно, без особого сопротивления со стороны униатских верующих.

Причиной такой резкой перемены в оценке воссоединения униатов можно считать сугубо политические события, повлиявшие на сворачивание критики воссоединения униатов. Этими событиями стали массовые протесты белорусского населения в августе 2020 года после президентских выборов. В протестах приняли участие в том числе и активисты современной униатской церкви. Это породило желание пересмотреть отношение к униатству как к национальной белорусской религии, что и отразилось на страницах учебного пособия. Т. е. для подачи материала в более-менее объективном ключе оказалось необходимым, чтобы на содержание учебников повлияли политические события.

В целом белорусские школьные учебные пособия по истории передают информацию об униатстве взаимоисключающе. Причём взаимоисключения содержатся в первую очередь не между учебными пособиями, а внутри большинства из них. Пожалуй, цельно, но кратко историю существования унии в Российской империи и её окончание путём возвращения униатов в православие передает учебное пособие для 11-го класса. Это легко объяснимо. Данное пособие готовилось после белорусских протестов 2020 года, поэтому попытки обосновать униатство как верование,

в чём-то положительно повлиявшее на белорусскую культуру или самосознание, не используются. Наоборот, подчёркнуто, что стремление к возвращению в православие возникло в самой униатской среде и не являлось навязанным имперским правительством актом.

Учебные пособия за 7-й и 11-й классы, описывающие введение униатства и его существование в Первой Речи Посполитой, органично повторяют друг друга. Однако органичные повторения не представляют собой цельности. Наоборот, в учебных пособиях приведены цитаты или выдержки из исторических источников, которые подчёркивают неприятие унии массой людей, навязывание её достаточно жестокими методами, порождавшими ответное жестокое сопротивление. В тексте учебных пособий также сказано о жестком навязывании унии, но в её существовании авторы пытаются найти положительные для белорусского самосознания стороны. Это происходит по причине существования не подтверждённых историческими источниками утверждений о том, что уния якобы являлась хранительницей белорусской культуры. Попытки обосновать этот тезис привели авторов учебного пособия для 10-го класса к взаимоисключающей информации о том, что разновидность католицизма — греко-католицизм — стала барьером на пути католицизма, т. е. самого себя. Также униатству приписывают функции барьера против полонизации, но тут же утверждают, что в униатской литургии наряду с церковнославянским распространялся и польский язык.

Учебное пособие для 8-го класса, описывающее в том числе и подготовку к воссоединению униатов с православием, для утверждения того, что простые люди сопротивлялись воссоединению, предпринятому будущим митрополитом Иосифом (Семашко), используют в качестве иллюстраций этого документы другой эпохи (конца XVIII века) или частные случаи, которые происходили на территории Полоцкой православной епархии и были инициативой на тот момент не униатского иерарха Иосифа (Семашко), а православного епископа Смарагда (Крыжановского).

Таким образом, в трёх случаях из четырёх в белорусских школьных учебных пособиях информация об униатстве представлена как попытка при указании проблем, появившихся после введения унии, сформулировать положительное влияние греко-католицизма на формирование белорусского национального самосознания. Причём никаких исторических источников этому не приведено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Добрынин Г. Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина (пожившего 72 г. 2 м. 20 дней), им самим написанная в Могилёве и Витебске. 1752–1823 : в 3 ч. — СПб. : Печатня В. И. Голвина, 1872. — 380 с.

Жиркевич И. С. Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848 / подг. текста, вступ. ст. и примеч. С. В. Львова, Л. В. Митрошенковой. — М. : Кучково поле, 2009. — 624 с.

История Беларуси с древнейших времён до конца XVIII в. : учеб. пособие для 10-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. языком обучения (с электрон. приложением для повышенного уровня) / В. А. Белозорович, С. А. Кудрявцева, А. В. Любый ; под. ред. В. А. Белозоровича. — Минск : Изд. центр БГУ, 2020. — 271 с.

История Беларуси, XIX — начало XXI в. : учеб. пособие для 11-го класса учреждений общего среднего образования с русским языком обучения / под ред. А. В. Касовича, А. П. Соловьёнова. — Минск : Издательский центр БГУ, 2021. — 240 с.

История Беларуси, XVI–XVIII вв. : учеб. пособие для 7-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения / В. А. Воронин [и др.]; под ред. В. А. Воронина, А. А. Скепьян ; пер. на рус. яз. И. В. Летунович. — Минск : Изд. центр БГУ, 2017. — 214 с.

История белорусской государственности : в 5 т. Т. 1: Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / А. А. Коваленя [и др.]; отв. ред. тома: О. Н. Левко, В. Ф. Голубев; Национальная академия наук Беларуси, Институт истории. — Минск : Беларуская навука, 2018. — 598 с.

Кравцов О. Ю. Концепция белорусской национальной идеи // Путь Беларуси: Реальность и мечты : сб. статей. — Рига : ИБИК, 2018. — С. 71–100.

Панов С. В., Морозова С. В., Сосно В. А. История Беларуси, конец XVIII — начало XX в. : учеб. пособие для 8-го класса учреждений общего среднего образования с русским языком обучения / под ред. В. А. Сосно ; перевод на русский язык О. Р. Ермакович, В. М. Иванова. — Минск : Издательский центр БГУ, 2018. — 159 с.

Романчук А., прот. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: очерк жизни и церковно-общественной деятельности. — М. ; Минск : Издание Общества любителей церковной истории, 2015. — 448 с.

Уния в документах : сб / сост. В. А. Теплова, З. И. Зуева. — Минск : Лучи Софии, 1997. — 520 с.

Хотеев А., свящ. Переписка канцлера Льва Сапеги и архиепископа Иосафата Кунцевича. — Минск : Братство в честь святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной Церкви, 2015. — 114 с.

Хотеев А., свящ. Очерки из истории Брестской унии. — М. : Фонд «Историческая память», 2023. — 144 с.

Шеститко В. Латинизация греко-католической церкви в Речи Посполитой: исторический, литургический и канонический аспекты. Дипломная работа. — Жировичи : Минская духовная семинария. 2009. — 81 с.

Гісторыя Беларусі са старажытных часоў да канца XVIII ст.: вучэбны дапаможнік для 10-га класа устаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай мовай навучання. В. А. Белазаровіч, С. А. Кудраўцава, А. У. Любы; пад. рэдакцыяй В. А. Белазаровіча. — Мінск : Выдавецкі цэнтр БДУ, 2020. — 271 с.

Гісторыя Беларусі, XIX — пачатак XXI ст.: вучэбны дапаможнік для 11-га класа устаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай мовай навучання / пад рэдакцыяй А. В. Касовіча, А. П. Салаўянава. — Мінск : Выдавецкі цэнтр БДУ, 2021. — 240 с.

Гісторыя Беларусі, XVI–XVIII ст.: вучэбны дапаможнік для 7-га класа устаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай мовай навучання / В. А. Варонін [і інш.]; пад рэдакцыяй В. А. Вароніна, А. А. Скеп'ян. — Мінск : Выдавецкі цэнтр БДУ, 2017. — 214 с.

Лёсік Я. Беларуская Энэіда наываварат // 1921–1930: Збор твораў / Укладанне, прадмова і каментарыі А. Жанкіна. — Мінск : НАРБ: Выдавец Логвінаў, 2003. — С. 10–28.

Паноў С. В. Марозава С. В., Сосна У. А. Гісторыя Беларусі, канец XVIII — пачатак XX ст.: вучэбны дапаможнік для 8-га класа устаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай мовай навучання / пад рэдакцыяй У.А. Сосны. — Мінск : Выдавецкі цэнтр БДУ, 2018. — 159 с.

Сведения об авторе:

Александр Дмитриевич Гронский — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова Российской академии наук, 117418, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23, e-mail: agr1976@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 14.02.2024; одобрена после рецензирования 21.03.2024; принята к публикации 28.04.2024.

A. D. Gronsky

PRIMAKOV NATIONAL RESEARCH INSTITUTE OF WORLD ECONOMY
AND INTERNATIONAL RELATIONS, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES,
MOSCOW, RUSSIA

The Brest Church Union as Depicted in Belarusian School Textbooks Published in 2017–2021

Abstract. The article examines the content of Belarusian school textbooks, particularly focusing on how they depict the establishment, functioning, and abolition of the Brest Church Union. The timeframe for textbook publication (2017–2021) is specified to reflect the current educational materials used by Belarusian schoolchildren at the time of writing the article. The teaching of history in Belarusian schools is divided into two main directions. The first direction (grades 5–9) presents history at a simpler level, focusing more on facts, dates, and event descriptions. The second direction approaches history at a more theoretical level, emphasizing cause-and-effect relationships and trends. To comprehend the portrayal of the Brest Church Union in school textbooks, it's essential to analyze texts from both educational directions, comparing their presentation of the material and summarizing the findings. Textbooks for the 7-th (1st direction) and 11-th (2nd direction) grades consider the introduction of the Brest Church Union and its spread until the end of the 18th century. Both textbooks provide similar assessments of the union. They acknowledge that the

union was forcibly imposed on the local Orthodox population and cite historical documents as evidence. However, both textbooks attempt to justify the negative reaction of the population towards the union by citing the excessive use of violence by the Uniates and the Polish government. Both textbooks suggest that if the union had been introduced through more humane methods, there would have been less mass resistance to its adoption. This contradicts historical sources, which provide examples showing that resistance to the union began immediately, even before the Polish government had fully implemented coercive measures. The claim that the union served as a barrier to Polonization and Catholicization lacks support from historical documents. Both textbooks exhibit contradictions when attempting to substantiate these assertions. The claim in textbooks that the union preserved the linguistic and cultural traditions of the people is also unsubstantiated.

The textbooks for the 8-th (1st direction) and 11-th (2nd direction) grades depict the evolution of the union from the late 18th to the first half of the 19th century, culminating in the Polotsk Church Council of 1839. The textbook for the 8-th grade follows the ideological narrative established in the 7-th-grade textbook. To support the argument that the majority of Uniates were unwilling to convert back to Orthodoxy in the late 1830s, the authors rely on documents from an earlier period and reference historical sources detailing specific instances, attempting to generalize these cases as indicative of broader trends. There are no documents confirming widespread resistance to the decisions of the Polotsk Church Council. Therefore, the textbook may utilize documents from other eras or specific cases to illustrate this point.

The textbook for the 11-th grade provides a more accurate depiction of the Polotsk Church Council. It was published following the Belarusian authorities' decision to revise the school history curriculum in response to the mass protests of 2020.

Keywords: Uniatism (Greek Catholicism), the Brest Church Council, the Polotsk Church Council, Belarusian school textbooks

For citation: Gronsky, A. D. (2024). The Brest Church Union as Depicted in Belarusian School Textbooks Published in 2017–2021. *Orthodoxia*, (4), 114–145. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-4-114-145

REFERENCES:

Dobrynin, G. (1872). *Istinnoe povestvovanie ili zhizn' Gavriila Dobrynina (pozhiivshego 72 g. 2 m. 20 dnei), im samim napisannaya v Mogileve i Vitebske. 1752–1823. V trekh chastyah* [The True Narrative or the Life of Gabriel Dobrynin (Who Lived for 72 Years, 2 Months, 20 Days), Written by Himself in Mogilev and Vitebsk. 1752–1823. In Three Parts]. Saint Petersburg : Pechatnya V. I. Golovina. [In Russian].

Zhirkevich, I. S. (2009). *Zapiski Ivana Stepanovicha Zhirkevicha. 1789–1848* [Notes by Ivan Stepanovich Zhirkevich. 1789–1848]. (2009). Moscow : Kuchkovo pole. [In Russian].

Istoriya Belarusi s drevnejshih vremen do konca XVIII v.: ucheb. posobie dlya 10-go kl. [The History of Belarus from Ancient Times to the End of the XVIII Century: a Textbook for the 10th Class]. (2020). Minsk : Izdatel'skij centr BGU. [In Russian].

Istoriya Belarusi, XIX — nachalo XXI v.: ucheb. posobie dlya 11-go klassa [The History of Belarus, XIX — Early XXI Century: Textbook for 11th Class]. (2021). Minsk : Izdatel'skij centr BGU. [In Russian].

Istoriya Belarusi, XVI–XVIII vv.: ucheb. posobie dlya 7-go kl. [The History of Belarus, XVI–XVIII Centuries: Textbook. The Manual for the 7th Class]. (2017). Minsk : Izd. centr BGU. [In Russian].

Istoriya belorusskoj gosudarstvennosti. T. 1 [The History of the Belorussian Statehood. Volume 1]. (2018). Minsk : Belaruskaya navuka. [In Russian].

Kravcov, O. Yu. (2018). *Koncepciya belorusskoj nacional'noj idei* [The Concept of the Belorussian National Idea]. In *Put' Belarusi: Real'nost' i mechtu* (pp. 71–100). Riga : IBIK. [In Russian].

Panov, S. V., Morozova, S. V., Sosno, V. A. (2018). *Istoriya Belarusi, konec XVIII — nachalo XX v.: uchebnoe posobie dlya 8-go klassa* [The History of Belarus, Late XVIII — Early XX Century: Textbook for 8th Class]. Minsk : Izdatel'skij centr BGU. [In Russian].

Romanchuk, A., Archpriest. (2015). *Vysokopreosvyashchennyj Iosif (Semashko), mitropolit Litovskij i Vilenskij: ocherk zhizni i cerkovno-obshchestvennoj deyatel'nosti* [His Eminence Joseph (Semashko), Metropolitan of Lithuania and Vilna: an Essay on Life and Church and Social Activities]. Moscow–Minsk: Izdanie Obshchestva lyubitelej cerkovnoj istorii. [In Russian].

Uniya v dokumentah: sbornik [The Union in Documents: a Collection]. (1997). Minsk : Luchi Sofii. [In Russian].

Hoteev, A., Priest. (2015). *Perepiska kanclera L'va Sapegi i arhiepiskopa Iosafata Kunceвича* [Correspondence between Chancellor Lev Sapieha and Archbishop Josaphat Kuntsevich]. Minsk : Bratstvo v chest' svyatogo Arhistratiga Mihaila v g. Minske Minskoj eparhii Belorusskoj Pravoslavnoj Cerkvi. [In Russian].

Hoteev, A., Priest. (2023). *Ocherki iz istorii Brestskoj unii* [Essays from the History of the Brest Union]. Moscow : Fond "Istoricheskaya pamyat". [In Russian].

Shestitko, V. (2009). *Latinizaciya greko-katolicheskoy cerkvi v Rechi Pospolitoj: istoricheskij, liturgicheskij i kanonicheskij aspekty* [Romanization of the Greek Catholic Church in the Polish-Lithuanian Commonwealth: Historical, Liturgical and Canonical Aspects] [Graduate Work]. Zhirovichi : Minskaya duhovnaya seminariya. [In Russian].

Gistoryya Belarusi sa starazhytnyh chasoŭ da kanca XVIII st.: vuchebny dapamozhnik dlya 10 ga klasa [The History of Belarus from Ancient Times to the End of the XVIII Century: a Textbook for the 10th Class]. (2020). Minsk : Vydavecki centr BDU. [In Belorussian].

Gistoryya Belarusi, XIX — pachatak XXI st.: vuchebny dapamozhnik dlya 11 ga klasa [The History of Belarus, XIX — Early XXI Century: Textbook for 11th Class]. (2021). Minsk : Vydavecki centr BDU. [In Belorussian].

Gistoryya Belarusi, XVI–XVIII stst.: vuchebny dapamozhnik dlya 7 ga klasa [The History of Belarus, XVI–XVIII Centuries: Textbook. The Manual for the 7th Class]. (2017). Minsk: Vydavecki centr BDU. [In Belorussian].

Lyosik, Ya. (2003). Belaruskaya Eneida navyvarat [The Belorussian Aeneid is the Opposite]. In *1921–1930: Zbor tvoraŭ* (pp. 10–28). Minsk : NARB: Vydavec Logvinaŭ. [In Belorussian].

Panoŭ, S. V., Marozava, S. V., Sosna, U. A. (2018). *Gistoryya Belarusi, kanec XVIII — pachatak XX st.: vuchebny dapamozhnik dlya 8-ga klasa* [The History of Belarus, Late XVIII — Early XX Century: Textbook for 8th Class] Minsk : Vydavecki centr BDU. [In Belorussian].

About the author:

Alexander Dmitrievich Gronsky — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Center for Post-Soviet Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997, e-mail: agr1976@yandex.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 14.02.2024; approved after reviewing 21.03.2024; accepted for publication 28.04.2024.